



## Ласточка с весной в сени к нам летит...

Типичный вид-синантроп — домовый воробей. Будучи уроженцем Южной Евразии, где местами его гнездования испокон веков служили всевозможные пустоты в скалах и в глинистых обрывах, этот воробей со временем распространился далеко на север, обживая возводимые людьми посёлки сельского, а затем и городского типа. Недаром северные народы называют воробья “птичкой, сидящей на углу русской избы”.

Ласточка-касатка, о которой пойдёт речь, оказалась, пожалуй, в ещё большей зависимости от рукотворной деятельности человека. Изначально эти птицы гнездились в пещерах, особенно многочисленных в нижнем поясе гор. Но сегодня редко кому повезет найти гнездо касатки в этих первоначальных местах её обитания. С течением времени наша птичка коренным образом изменила свои исконные повадки. Она расселилась из горных местностей на обширные равнины, где совсем нелегко найти естественные убежища наподобие пещер или гротов. Заменой им стали чердаки деревянных строений и загоны для скота в сёлах и на небольших хуторах, которым касатка явно отдаёт предпочтение перед посёлками город-

ского типа с их каменными домами. Именно это обстоятельство дало основание назвать касатку “деревенской” ласточкой в отличие, скажем, от городской ласточки, лепные гнёзда которой нередко можно увидеть под каменными карнизами городских зданий.

Область распространения касатки занимает большую часть Евразии, Северную Африку и Северную Америку. В России птица встречается в период гнездования повсюду в сельской местности — от западных границ страны до побережья Тихого океана. Касатки, населяющие Сибирь, резко отличаются от европейских кашта-






Среди восьми тысяч видов птиц, населяющих нашу планету, лишь очень немногие решаются при случае поселиться бок о бок с людьми. Но буквально по пальцам можно пересчитать таких пернатых, существование которых вообще трудно представить себе вне соседства с человеком. Зоологи называют таких постоянных наших спутников синантропными видами — от греческих слов *syn* (вместе) и *anthropos* (человек).

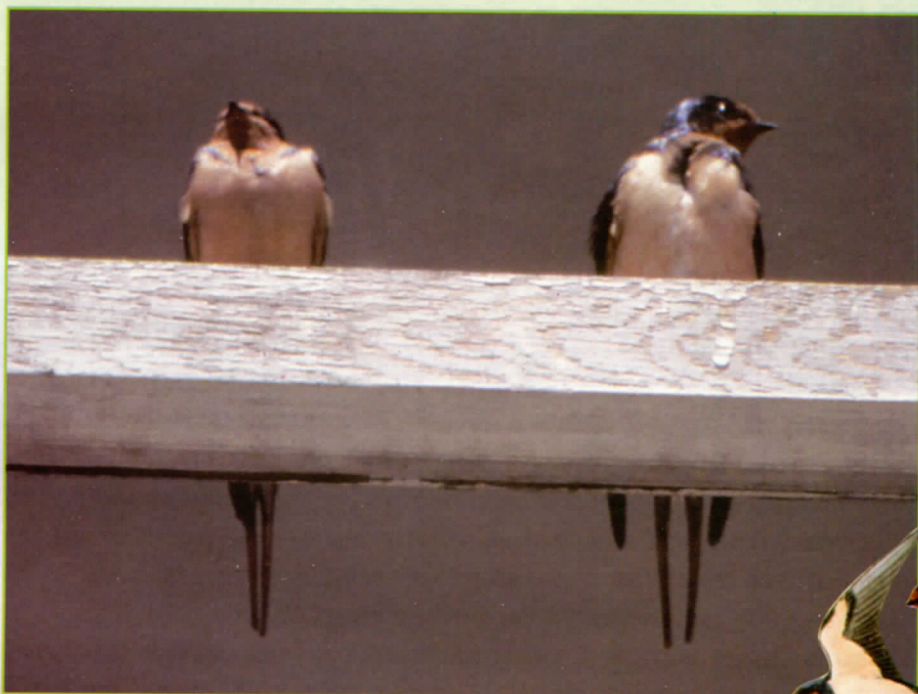
новым цветом груди и брюшка. Сибирские касатки ещё частично сохранили повадку гнездиться по обрывистым берегам рек, что совсем несвойственно ныне европейским касаткам. Зимуют касатки в Южном полушарии, достигая во время осенних миграций Новой Гвинеи и мыса Доброй Надежды.

На протяжении столетий совместного проживания с людьми касатки стали на редкость доверчивыми, почти полностью утратив страх перед человеком. Иногда бесстрашие этих птичек поистине переходит всякие границы. Приехав в этом году в деревню, где провожу отпуск каждое лето, я обнаружил, что парочка касаток выстроила гнездо в за-




стрехе над входной дверью в избу, где до него можно было легко дотянуться рукой. В день моего приезда самка насиживала кладку из пяти яиц. В течение последующих полутора недель она была вынуждена из осторожности покидать гнездо всякий раз, как я поднимался на крыльцо или выходил из дома. Поскольку это происходило десятки раз на протяжении каждого дня, мне иногда казалось, что птицы не выдержат такого напряжённого режима и рано или поздно бросят гнездо и кладку.

Родительский инстинкт оказался, однако, сильнее недоверия ко мне, и в один прекрасный день я услышал доносящийся из гнезда тихий писк птенцов. Моих ласточек ожидали ещё долгие дни нервного напряжения: чтобы выкормить отпрысков, паре касаток требуется по меньшей мере три недели. И вот представьте себе, что кто-либо из родителей на полной скорости подлетает к гнезду с очередной порцией корма для птенчиков, а я как раз в этот момент выхожу из дома по своим делам, так что мы с ласточкой сталкиваемся почти что “нос к носу”. Птичка в ужасе тормозит в воздухе и уносится прочь с отчаян-



ным криком “вит-вит”. Но не успеваю я отойти на какие-то пять—десять метров, как вижу, что касатка уже села на гнездо и рассовывает принесённых ею насекомых в жадно раскрытые ярко-жёлтые клювики птенцов.

Почти каждый день, встав на табуретку, я заглядывал в гнездо, чтобы проверить, всё ли там идёт своим чередом и насколько успешно развиваются птенцы. За несколько дней до того, как покинуть свою колыбель, они уже сидели, высунув головки наружу и не делали ни малейших попыток замереть или спрятаться при моём при-





ближении. Я был уверен, что птенчики настолько привыкли к моему виду, что совершенно меня не боятся.

Я оказался прав. Утром 8 июля, выйдя из дома, я обнаружил, что один из птенцов сидит на ступеньке. Он не проявил ни малейших признаков испуга, когда я подошёл, взял его рукой и посадил назад в гнездо. В этот день юнцы были уже полностью оперёнными. Они то и дело чистили свои пёрышки клювом и, пытаясь усесться поудобнее, волей-неволей основательно толкали друг друга. Вполне понятно, что им было уже очень тесно в гнезде — вот один из них и оказался “на свободе” немного раньше времени.

Ответственный момент наступил на следующий день. Проснувшись утром, я увидел, что трое из пяти птенцов сидят на заборе неподалёку от крыльца. Кажется, взрослые ласточки старались поскорее увести молодняк подальше от того места, где они никогда не могли чувствовать себя в

полной безопасности. Самец и самка садились на забор по обе стороны от того или другого из своих отпрысков и с тревожными криками взмывали вверх, словно стараясь увлечь несмышлёныша за собой. Нередко родители достигали своей цели, а юнец, к моему удивлению, демонстрировал при этом полёт, мало чем уступавший в мастерстве лётному искусству взрослых касаток. Теперь мне стало понятно, почему у ласточек птенцы остаются в гнезде вдвое дольше, чем у прочих родственным птиц с теми же размерами тела. Поскольку ласточки добывают себе пропитание в воздухе, к моменту вылета из гнезда молодёжь по необходимости должна обладать основными навыками манёвренного полёта, который затем будет на опыте совершенствоваться лишь в отдельных деталях.

Но оказалось, что время, когда ласточкам предстояло покинуть меня навсегда, ещё не настало. Насладившись полной свободой, три слётка-первопроходца вернулись к вечеру в родное гнездо. Весь следующий день 10 июля все пять птенцов предпочли провести в добровольном заточении. Окончательно они покинули гнездо 12 июля: рано утром вылетели четыре птенца, а к полудню — и последний, пятый. Все они вновь появились у моего дома на следующий день, но после этого я их больше не видел.



Но уже в день вылета птенцов, 12 июля, взрослые ласточки принялись лепить новое гнездо буквально в 15—20 сантиметрах от первого.



Поскольку в этом году я приехал в деревню с большим опозданием, двери на сеновал, где ласточки гнездились все предшествующие годы, были закрыты в дни возвращения птиц с зимовок на место гнездования. Так что ласточкам волею-неволей пришлось довольствоваться новым местом под притолокой крыльца.

Теперь же сеновал был открыт, самец часто пел под его кровлей, приглашая сюда свою подругу. Но она, невзирая на все те страхи и тревоги, которые ей пришлось пережить во время выращивания первого выводка, всё же решила строить гнездо в том же самом, столь беспокойном месте. Поскольку у ласточек гнездо строят оба члена пары, самцу не оставалось ничего иного, как присоединиться к самке. В первый день на дощатой стенке прямо над входной дверью ласточки слепили из комочков глины основание гнезда в виде направленного вниз конуса. За-



тем птички стали носить к месту постройки соломинки, цементируя их в стенках гнезда порциями сырой глины, которая мгновенно высыхала на знойном июльском воздухе. Гнездо было выстроено полностью за четыре дня. Уже к утру 15 июля ласточки успели выстлать колыбель изнутри мягкой растительной ветошью с примесью перьев и конского волоса.

Но, к сожалению, моей парочке касаток не суждено было вырастить второй выводок. И виной тому оказался мой неосторожный поступок. Как раз в тот день, когда гнездо было готово, обе взрослые ласточки случайно залетели в сени и начали отчаянно биться в стекло. Я решил, что самое время окольцевать обоих супругов, чтобы проверить на следующий год, гнезятся ли в нашем доме одни и те же или разные касатки. Пока я искал в секретере кольца, самцу удалось вылететь в открытую дверь. Самку же я поймал на окне, окольцевал и тут же выпустил.

Тщетно проверял я гнездо на протяжении нескольких последующих дней, ожидая, что в нём появится первое яичко. Увы, этого так и не случилось. Вероятно, для самки, уже смилившейся с моим регулярным появлением около гнезда, процедура кольцевания оказалась последней каплей, переполнившей чашу терпения. Остаётся только надеяться, что моя парочка успешно вырастила второй выводок где-нибудь в более удобном и спокойном месте. Времени для этого у птиц оставалось ещё предостаточно.

Е. Н. Панов, профессор  
фото автора

